

Оеофилактъ Русановъ, знаменитый русскій іерархъ эпохи императора Александра І-го.

(Продолженіе ¹⁾).

Второй періодъ жизни и дѣятельности Оеофилакта Русанова (съ 1807—1810 г.).

Условія, создавшія Оеофилакту, вскорѣ носилъ пріѣзда его въ Петербургъ, вліяніе, авторитетъ и славу. Дѣятельность его въ „Комитетѣ объ усовершеніи училищъ“ и въ „Комиссіи духовныхъ училищъ“. Труды его по составленію устава духовныхъ заведеній. Профессорская его дѣятельность въ С.-Петербургской духов. Академіи. Сила его имени и авторитета въ С.-Петербургѣ. Отношеніе его къ митрополиту петербургскому Амвросію.

Благодаря своимъ личнымъ талантамъ и нѣкоторымъ внѣшнимъ благопріятнымъ обстоятельствамъ, преосв.Оеофилактъ вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ членовъ Св. Синода, и выступилъ впередъ въ качествѣ главнаго дѣятеля по современнымъ вопросамъ, касающимся всей русской церкви. „Съ перваго вступленія въ знакомую уже Оеофилакту присутственную залу Синода, говоритъ авторъ статьи „Изъ прошлаго“, всѣмъ стало ясно, что хотя онъ и сѣлъ не на первомъ мѣстѣ, но будетъ имѣть рѣшительный и рѣшающій голосъ“ ²⁾. И дѣйствительно, ученость, энергія, способность къ инициативѣ создали Русанову сразу же главное вліяніе на ходъ рѣшеній дѣлъ св. Синода. Эти же талантливыя способности создали Оеофилакту скоро славу и въ петербургскомъ обществѣ, ко-

¹⁾ См. Труды Кіевской дух. Академіи, октябрь, 1902 г.

²⁾ Русскій Вѣстн. 1863 г. 74 т., стр. 490.

тому онъ уже раньше былъ извѣстенъ, какъ проповѣдникъ и законоучитель кадетскихъ корпусовъ и передъ которымъ онъ теперь является, какъ архіепископъ. Своими проповѣдями онъ и теперь интересовалъ петербургскую публику; послѣдняя настолько любила его проповѣди, что постоянно наполняла церковь кадужскаго подворья, когда знала, что онъ намѣренъ проповѣдывать ¹⁾. Проповѣди же, а равно и вообще умъ и образованность, дали возможность ему возобновить старыя связи въ великосвѣтскомъ с.-петербургскомъ обществѣ и приобрести новыя. Впрочемъ, главнымъ образомъ авторитетъ и вліяніе преосв. Оеофилакта какъ въ Петербургѣ вообще, такъ и въ Св. Синодѣ въ частности, созданы были его близкимъ отношеніемъ къ Сперанскому и князю Голицыну. Оба они, вызвавъ его въ Петербургъ, не переставали оказывать ему свое вниманіе и покровительство, чѣмъ и упрочивали высокое мнѣніе о немъ въ столицѣ. Благодаря всѣмъ этимъ счастливымъ условіямъ, Оеофилактъ сдѣлался извѣстнымъ даже Двору. Самъ императоръ Александръ І-й узналъ его съ лучшей стороны и считалъ человѣкомъ несравненно болѣе полезнымъ и необходимымъ для духовной администраціи, нежели петербургскій митрополитъ Амвросій. Услышала о немъ и вдовствующая императрица Марія Оеодоровна. Ей онъ очень понравился за свою бойкую, правильную французскую рѣчь и за изящныя манеры. Свое благоволеніе къ нему она, между прочимъ, выражала въ томъ, что предлагала ему посѣщать находившіяся подъ ея завѣдываніемъ женскія учебныя заведенія и новооткрытое коммерческое училище, сама показывала ему нѣкоторыя, приглашала на экзамены и поручала ему выборъ законоучителей ²⁾.

¹⁾ Вѣстн. Европы 1873 г., кн. II, стр. 239—240.

²⁾ „Истор. С.-Петерб. духон. Акад.“ Чистовича, стр. 164.

При такихъ блестящихъ вѣшнихъ условіяхъ, Теофилактъ со всею энергіей преданъ былъ тому дѣлу, ради котораго призванъ былъ. Въ Комитетѣ и потомъ въ образовавшейся изъ него „Комиссіи духовныхъ училищъ“ онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ. Задачею „Комитета“ было выработать основанія новаго учебнаго устройства духовныхъ школъ. Еще въ концѣ прошлаго столѣтія довольно ясно стали сознаться недостатки этихъ школъ. Они состояли въ отсутствіи центрального высшаго надзора и руководительнаго начала, въ недостаткѣ учителей съ высшимъ образованіемъ, въ преобладаніи формализма и схоластики въ обученіи, преимущественно же въ скудости матеріальныхъ средствъ. Отсюда „Комитетъ“ долженъ былъ: 1) „начертать основательный планъ устройства духовныхъ училищъ сообразно съ цѣлію ихъ учрежденія, — распространить курсы наукъ, усилить преподаваніе однихъ и сократить силу другихъ, соответственно важности каждой изъ нихъ для духовнаго образованія, разрозненное соединить единствомъ власти и единообразіемъ управленія, и 2) изыскать способы къ содержанію духовныхъ училищъ¹⁾, а равно и къ содержанію церковныхъ причтовъ“. Благодаря именно преосв. Теофилакту и М. М. Сперанскому, опытно знавшимъ всѣ нужды духовныхъ училищъ, Комитетъ въ полгода рѣшилъ возложенныя на него порученія и въ іюнѣ 1808 г. представилъ государю „Докладъ объ усовершеніи духовныхъ училищъ“, каковой и былъ одобренъ и утвержденъ Высочайше 26-го іюня 1808 г.²⁾ „Докладъ“ Комитета выработалъ цѣлую систему духовно-учебнаго управленія, получившую особую, самостоятельную организацію, основанную на раздѣленіи школъ по степенямъ. Всѣ духовно-учебныя заведенія раздѣлены были на 4 разряда, и взаимно подчинены низшія высшимъ: 1, академіи для высшаго духов-

¹⁾ „Исторія С.-Петерб. духов. Акад.“ Чистовича, стр. 164.

²⁾ „Руковод. дѣл. дух. проsv.“ стр. 22.
 Подготовлено Киевской Духовной Академией и Семинарией,
<http://kdais.kiev.ua>

наго образованія и для управленія учебными округами; 2, семинаріи съ среднимъ курсомъ для приготовленія воспитанниковъ въ академіи и особенно на поприще церковнаго служенія; 3, училища уѣздныя для приготовленія учениковъ въ семинаріи и 4, приходскія училища для распространенія единообразнаго методическаго ученія въ селахъ и деревняхъ подъ однимъ общимъ надзоромъ. Епархіи раздѣлены были на 4 учебныхъ округа, каждый подъ вѣдѣніемъ своей академіи. Въ то же время Комитетъ проектировалъ и училищныя штаты. Всѣ духовно-учебныя заведенія должны были содержаться на доходы отъ продажи восковыхъ свѣчей однѣми церквами при незначительномъ пособіи отъ казны ¹⁾. На тѣ же доходы по „Докладу“ должны были содержаться и церковныя причты. Но, помимо участія въ общихъ совѣщаніяхъ и дѣйствіяхъ Комитета, преосвященный Оеофилактъ самъ лично исполнялъ нѣсколько важныхъ порученій. Имъ, напр., составлено было въ 1808 г. „Положеніе о содержаніи бѣдныхъ учениковъ уѣздныхъ и приходскихъ училищъ и объ образѣ призрѣнія остающихся сиротъ“ ²⁾. Правила этого „Положенія“ свидѣтельствуютъ о гуманности, мудрой опытности Оеофилакта и его умѣнии удовлетворять истиннымъ потребностямъ духовнаго быта. Напримѣръ, возьмемъ два слѣдующихъ правила. Одно постановляло: „при опредѣленіи на причетническіи мѣста давать предпочтеніе тѣмъ ученикамъ, которые пожелаютъ взять за себя изъ сиротскаго семейства, оставшагося съ однѣми дочерьми, одну изъ такихъ сиротъ съ обязательствомъ питать вдову по смерти, а дочерей до ихъ замужества“, другое—вдовъ бездѣтныхъ и оставшихся съ малолѣтними или увѣчными дочерьми опредѣлять на мѣста просвирническія“. Комитетъ вполнѣ одобрилъ

¹⁾ Подробности о реформѣ духовн. учил. находимъ въ „Ист. С.-Петербург. дух. Акад.“ Чистовича, стр. 163—178.

²⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“ Чистовича, стр. 41.

означенное „Положеніе“, присоединивъ къ нему еще нѣкоторыя новыя правила. Затѣмъ Оеофилактъ составилъ, по порученію Комитета, проектъ лучшаго устройства продажи церковныхъ свѣчей для образованія капитала на содержаніе духовныхъ училищъ¹⁾. 26-го іюня 1808 г. Комитетъ прекратилъ свои дѣйствія, а вмѣсто него въ тотъ же день была Высочайше учреждена „Комиссія духовныхъ училищъ“. Оеофилактъ тогда же за свои труды награжденъ былъ орденомъ Владимира 2-й степени. Еще раньше, 21 апрѣля (1808 г.), онъ былъ вторично пожалованъ въ члены Св. Синода.

Съ назначеніемъ въ члены „Комиссіи духовныхъ училищъ“ для Оеофилакта открылись новыя труды, которые требовали значительныхъ административныхъ и даже учебныхъ способностей²⁾. Какъ человекъ инициативы и весьма образованнаго ума, онъ сразу и здѣсь занялъ передовое положеніе въ ряду лицъ духовнаго сана. Митрополитъ Авросій, хотя и былъ председателемъ „Комиссіи“, не имѣлъ въ ней выдающагося значенія: голосу его не было оказываемо особаго предпочтенія. Остальные два духовныхъ члена „Комиссіи“, о. Іоаннъ Державинъ и П. Криницкій, имѣли еще меньшее значенія. Между тѣмъ, „Комиссія“ предстояло нести чрезвычайно трудныя обязанности. Комитетское Начертаніе заключало въ себѣ одни основанія новаго духовно-учебнаго устройства, „Комиссія“ же должна была примѣнить эти основанія къ дѣлу—именно составить подробныя уставы духовныхъ академій, семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ, а также учебныя программы. Въ выполненіи этихъ трудныхъ задачъ „Комиссія“ весьма значительное участіе принималъ преосв. Оеофилактъ. Первоначально Спе-

¹⁾ „Руков. дѣят. духов. проsv.“, стр. 42.

²⁾ Въ составъ „Комиссіи“ вошли тѣ же члены, которые были въ Комитетѣ съ исключеніемъ о. Сергія Красношѣкова, на мѣсто котораго былъ пожалованъ въ духовника Е. И. В.—П. Криницкій. „Руков. дѣят. дух. пр.“, стр. 25.

ранскій взялъ-было на себя составленіе уставовъ, но, составивши и въ февралѣ 1809 г. внесши въ „Комиссію“ первую часть академическаго устава, онъ отказался отъ продолженія этого дѣла, „по уваженію многихъ и разнообразныхъ обязанностей и занятій, на него возложенныхъ“¹⁾. Окончаніе этого труда поручено было преосв. Теофилакту. Впрочемъ, это окончаніе составляло большую половину устава, обнимая собою учебную и административную части; Сперанскимъ обработана была собственно только экономическая сторона. Преосв. Теофилактъ именно составилъ и внесъ въ „Комиссію“ къ 24 апрѣля первую часть уставовъ семинарій и уѣздныхъ училищъ, а 22 мая—вторую и третью академическаго, вторыя части устава семинарій, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ²⁾. Имъ же была составлена классификація книгъ для расположенія въ академическихъ и семинарскихъ бібліотекахъ и для составленія каталоговъ по этой классификаціи; „Комиссія“, по утвержденіи этихъ формъ, постановила внести ихъ въ академическіе и семинарскіе уставы³⁾.

Уже это простое перечисленіе непрерывно и скоро одна за другой слѣдующихъ работъ преосв. Теофилакта по составленію уставовъ духовно-учебныхъ заведеній можетъ показывать, какое энергичное участіе принималъ онъ въ дѣлѣ преобразованія духовно-учебныхъ заведеній. Но, чтобы яснѣе представить все значеніе его дѣятельности по реформѣ духовно-учебныхъ заведеній, мы должны указать, хотя въ краткихъ словахъ, сущность, характеръ и значеніе въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія самаго устава 1809 года. Въ этотъ уставъ преосв. Теофилактъ вложилъ всю свою лю-

¹⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 43.

²⁾ Жур. пом. дух. учнв 24 апрѣля 1809 г., стр. 19 и 22 мая 1809 г., ст 23 См *ibid.*, стр 44.

³⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“, стр. 45.

бовъ къ наукѣ и жажду поднять духовное просвѣщеніе. По своему личному отношенію къ наукѣ и просвѣщенію, онъ былъ средняго направленія человѣкъ. Современная ему эпоха, какъ мы раньше говорили, была эпохой особенно оживленнаго движенія западно-европейской мысли. Всѣ лучшіе русскіе люди старались усвоить добрые плоды указаннаго движенія, — и преосв. Теофилактъ также отдалъ ему свою дань, заботясь объ обогащеніи себя западно-европейскимъ образованіемъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не увлекся крайностями этого образованія—раціонализмомъ и мистицизмомъ. Не будучи врагомъ науки, съ одной стороны, и либераломъ, съ другой, онъ умѣлъ, благодаря своему природному здравому, положительному разуму, извлекать изъ западно-европейскаго просвѣщенія одно доброе и полезное. Въ духѣ такого личнаго отношенія къ образованію Теофилактъ смотрѣлъ и на задачи духовной школы. Онъ понялъ, что для духовной школы наступило время, когда и она должна была не чуждаться современной науки, а идти рядомъ съ нею, усвоивъ ея добрые плоды,—когда и она должна была получить определенное устройство и давать своимъ питомцамъ живое, плодотворное и многостороннее образованіе. Такіе взгляды его на задачи духовнаго образованія или какъ-разъ на встрѣчу просвѣщеннымъ воззрѣніемъ императора Александра I и близкихъ къ нему—князя Голицына и Сперанскаго. Отсюда естественно, что они всецѣло должны были отразиться и на самомъ уставѣ 1809 г., въ составленіи котораго, повторяемъ, преосв. Теофилактъ принималъ весьма значительное участіе. И дѣйствительно, этотъ уставъ, будучи чуждъ крайностей, проявилъ должное уваженіе къ правамъ и достоинству науки. Онъ прямо выражалъ заботу о томъ, чтобы ученіе въ академіяхъ и отчасти въ семинаріяхъ держалось на одной линіи съ послѣдними открытіями и успѣхами каждой науки. Въ конспектѣ философскихъ наукъ и эстетики даже для семинарій были указаны въ числѣ пред-

метовъ изученія сочиненія ученыхъ и мыслителей XVIII в. Преподавателямъ были предложены ученые и учебныя пособія, казавшіяся прежде гибельными источниками невѣрія; отъ преподавателей только требовалась въ данномъ случаѣ здравая критика ¹⁾. Учившіеся подѣ дѣйствіемъ устава 1809 г. приступали къ изученію богословскихъ наукъ съ основательными свѣдѣніями по общеобразовательнымъ наукамъ и съ достаточно развитыми самостоятельностью силами. Отсюда богословское образованіе стало болѣе плодотворнымъ, чѣмъ прежде. Предметомъ его стали служить свято - отеческія догматическія и нравственныя творенія, а также произведенія русской и иностранной духовныхъ литературъ ²⁾. Составъ предметовъ учебнаго курса былъ немногосложенъ, а посему оставалось много времени и для самостоятельныхъ занятій учащихъся. Но, помимо своего значенія въ прошломъ, уставъ 1809 г. сохраняетъ свое вліяніе и до настоящихъ дней нашей духовной школы. Тотъ живой духъ, которымъ теперь живетъ эта школа, постепенно разрабатывая какъ общеобразовательныя, такъ и спеціально-богословскія науки, начало свое получилъ именно въ силу дѣйствія устава 1809 г. Конечно, мы не думаемъ все значеніе даннаго устава приписывать одному преосв. Оеофилакту, такъ какъ помимо него были такіе, напр., дѣятельные проводники духовно-учебной реформы, какъ М. М. Сперанскій, князь Голицынъ, и такіе ея подготовители, какъ митрополитъ Амвросій, Евгеній Болховитиновъ и Анастасій Братановскій. Но все-же, такъ какъ преосв. Оеофилактъ принималъ весьма значительное участіе въ проведеніи этой реформы, вполнѣ будетъ справедливымъ приписывать ему и соотвѣтственно значительную

¹⁾ „Проектъ устава дух. Акад. § 122“. „Ист. С.-Петерб. духов. Акад.“ Чистов., стр. 188.

²⁾ Ист. С.-Петерб. духов. Акад., стр. 167—170.

долю тѣхъ заслугъ, какія эта реформа оказала нашей духовной школѣ.

Не менѣе значительное участіе принималъ онъ и при укладкѣ перваго основнаго камня новаго учебнаго строя, т. е. при устройствѣ учебнаго дѣла въ С.-Петербургской духов. Академіи, торжественно открытой 17-го февраля 1809 г. Онъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Амвросіемъ составилъ, по порученію Комиссіи, а) примѣрный планъ самаго устройства и открытія академіи, семинаріи и духовныхъ училищъ петербургской епархіи, б) подробныя штаты этихъ учебныхъ заведеній и в) нужный распорядокъ къ помѣщенію студентовъ въ академіи¹⁾. Затѣмъ, при самомъ открытіи академіи, онъ принялъ на себя предложенную ему отъ лица членовъ Комиссіи обязанность профессора по классу словесныхъ наукъ²⁾. По словамъ Ростиславова, принятіе на себя преосв. Оеофилактомъ обязанности профессора при санѣ архіепископа, при званіи члена Св. Синода, было безпримѣрнымъ поступкомъ въ исторіи нашего духовнаго просвѣщенія. „Извѣстно, говоритъ Ростиславовъ, что только ректора С.-Петербургской духов. Академіи, когда ихъ стали производить въ викарные архіереи, продолжали числиться профессорами, но только богословскихъ наукъ, и притомъ не всѣ“³⁾. Отсюда мы, кажется, не ошибемся, если будемъ видѣть въ рѣшимости преосв. Оеофилакта нарушить установившіяся традиціи доказательство его любви къ наукѣ и искренняго желанія послужить образованію духовнаго юношества. Такъ, по крайней мѣрѣ, этотъ поступокъ знаменитаго іерарха былъ понятъ и Высочайшею властію: императоръ Александръ I, узнавши чрезъ Голицына объ этомъ по-

¹⁾ Истор. С.-Петерб. духов. Акад., стр. 181.

²⁾ „Русская Старина“ 1895 г., мартъ. Записки д. и. Ростис., стр. 95.

³⁾ Истор. С.-Петерб. духов. Акад., стр. 183.

ступкѣ, выразить Оеофилакту особое свое благоволеніе ¹⁾. Наконецъ, заслуживаетъ вниманія составленная преосвященнымъ подробная программа по классу словесныхъ наукъ для Академіи и самое профессорство по этому классу. Программа эта была тогда замѣчательнымъ шагомъ впередъ въ ходѣ учебнаго дѣла по духовному вѣдомству. Въ ней смѣло и рѣшительно были рекомендованы для руководства профессоръ сочиненія такихъ, напримѣръ, ученыхъ, какъ д'Аламберъ, Мармонтель, Моптескье, Шатобрианъ; между тѣмъ, лѣтъ 10—20 тому назадъ сочиненія этихъ авторовъ считались прямо источниками гибельнаго невѣрія, и потому о рекомендованій ихъ для прочтенія и изученія въ духовныхъ заведеніяхъ не могло быть и рѣчи. Лучшимъ исполнителемъ этой программы былъ самъ Оеофилактъ. Регулярно читая въ теченіе года лекціи, онъ старался познакомить студентовъ не только съ классическими и церковными писателями, но и съ повѣйшими, современными ему мыслителями, а также руководилъ студентовъ въ составленіи проповѣдей и сочиненій. Помощникомъ его по этой кафедрѣ былъ вызванный, по его указанію, изъ Калуги даровитый учитель и префектъ тамошней семинаріи, іеромонахъ Леонидъ Зарѣцкій ²⁾. Насколько успѣшны были профессорскія занятія его и помощника,—это показалъ произведенный Комиссіей въ концѣ перваго академическаго года (1804) экзаменъ въ новообразованной академіи: только по словесности экзаменъ прошелъ успѣшно, а по другимъ предметамъ преподаваніе и успѣхи студентовъ оказались неудовлетворительны ³⁾.

Благодаря профессорству, Оеофилактъ достигъ скоро большаго вліянія на всѣ дѣла академіи. Переселившись изъ

¹⁾ „Истор. С.-Петербург. духов. Акад.“, стр. 183.

²⁾ „Истор. С.-Петербург. духов. Акад.“, стр. 251.

³⁾ „Руков. дѣят. дух. просвѣ“, стр. 45.

Калужскаго подворья, гдѣ раньше жилъ, въ самую академію, онъ сталъ непосредственнымъ ея наблюдателемъ и руководителемъ. Это время было для него самымъ славнымъ и счастливымъ. И въ Синодѣ, и при Дворѣ, и въ академіи, и въ обществѣ чувствовалась сила его имени и авторитета. Общество превозносило его за проповѣди, Дворъ имѣлъ о немъ мнѣніе, какъ о просвѣщенномъ пастырѣ и талантливомъ проповѣдникѣ, академія цѣнила его славное профессорство, Св. Синодъ признавалъ за нимъ авторитетъ плодотворнаго и энергичнаго дѣятеля на пользу церкви и духовнаго просвѣщенія. Отличія его по службѣ быстро слѣдовали одно за другимъ: 25 декабря 1808 г. онъ былъ возведенъ въ санъ архієпископа, что было высокимъ отличіемъ въ то время; а въ мартѣ 1809 г. онъ переведенъ былъ изъ третьеклассной калужской во второклассную рязанскую епархію ¹⁾. Насколько сильно чувствовала въ это время сѣверная столица обаяніе славы и авторитета преосв. Оеофилакта, видно изъ того, что она даже намѣчала ему свою митрополичью кафедру: въ разныхъ ея сферахъ высказывалось убѣжденіе, что онъ будетъ преемникомъ митрополита Амвросія, котораго намѣчали перевести въ Новгородъ ²⁾).

Впрочемъ, причиною этого могло быть то отношеніе, въ какое сталъ Оеофилактъ къ митрополиту Амвросію по дѣятельности въ Комитетѣ, въ Комиссіи и въ Академіи. Во всѣхъ этихъ учрежденіяхъ *de jure* главный авторитетъ долженъ былъ принадлежать митрополиту Амвросію, какъ первоприсутствующему члену Св. Синода; на дѣлѣ же онъ, какъ мы видѣли, принадлежалъ преосв. Оеофилакту. Но митрополитъ Амвросій, человекъ ³⁾ по природѣ и по правиламъ

¹⁾ Русскій Вѣстн. 1868 г., 74 т., стр. 491.

²⁾ Русскій Вѣстн. 1868 г., 74 т., стр. 491.

³⁾ Объ Амвросіи Подобѣдовъ см., напр., „Записки о жизни и времени святителя Филарета, митроп. моск.“ Сушкова, стр. 46. Москва. 1868 г.

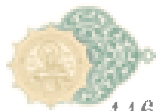

своимъ непоколебимо твердый, далекъ былъ отъ того, чтобы добровольно отступить отъ своихъ правъ и привилегій. Отсюда, естественно, не могло быть хорошихъ отношеній между іерархами; между ними неминуемо должно было произойти столкновение. Самъ преосв. Оеофилактъ едва-ли искалъ и желалъ этого столкновения. Онъ былъ призванъ другими для дѣятельности въ тѣхъ сферахъ, гдѣ de jure главное и передовое вліяніе должно было принадлежать митрополиту Амвросію, а не самъ добивался ея. Не его вина, что тотъ не былъ способенъ къ разрѣшенію назрѣвшихъ тогда сложныхъ и высшихъ церковныхъ вопросовъ¹⁾, между тѣмъ какъ онъ самъ чувствовалъ въ себѣ энергію и достаточную силу для разработки этихъ вопросовъ, тѣмъ болѣе, что и внѣшнія обстоятельства того времени были благопріятны для проявленія его талантовъ. Правда, многіе наши историки-біографы стараются представить преосв. Оеофилакта крайне честолюбивымъ интриганомъ противъ митрополита Амвросія Подобѣдова. Такое мнѣніе о немъ высказалъ, напр., одинъ біографъ митрополита московскаго Филарета—Н. В. Сушковъ²⁾. Но мы съ такимъ мнѣніемъ не можемъ согласиться: сохранившійся до нашего времени историческій матеріалъ, касающійся личности преосв. Оеофилакта, не даетъ никакого прямого и вѣрнаго основанія для того, чтобы признать его честолюбивымъ интриганомъ противъ петербургскаго митрополита. Пользуясь связями съ высокопоставленными особами и даже вниманіемъ Высочайшихъ особъ, другой на мѣстѣ преосв. Оеофилакта дѣйствительно занялся бы интригами противъ митрополита Амвросія, который притомъ не пользовался благосклонностію Александра I³⁾; но онъ былъ далекъ отъ этого.

¹⁾ Такое мнѣніе о митроп. Амвросіи держится, между прочимъ, проф. Знаменскій. См. Прав. Собес. 1885 г., янв., стр. 7.

²⁾ См. цит. его соч.: „Зам. о жизн. и времен. Филарета“, стр. 46.

³⁾ „Руков. дѣят. духов. просв.“ Чистовича, стр. 2.

Чтобы видѣть въ немъ честолюбца, способнаго на разныя интриги противъ митрополита Амвросія, для этого нѣтъ, *повторяемъ*, никакихъ прямыхъ и вполне достовѣрныхъ историческихъ данныхъ. Вполнѣ достовѣрно только то, что знаменитый іерархъ въ описываемое время былъ на верху славы, а митрополитъ Амвросій, наоборотъ, переживалъ страдную и тревожную для себя пору неблаговоленія со стороны Александра I.

Но слава человѣческая обыкновенно бываетъ непрочно и недолговременна; по обычному порядку земныхъ вещей, она часто смѣняется паденіемъ и даже униженіемъ. И слава преосв. Оеофилакта, какъ блестящаго церковнаго дѣятеля, имѣла предѣлы, и она смѣнилась паденіемъ. Правда, не сразу произошло его паденіе; сначала явились для этого только благопріятныя условія, а затѣмъ постепенно начала сказываться и дѣйствительная потеря преосвященнымъ занятаго имъ блестящаго положенія въ С.-Петербургѣ.

А. Ельчукъ

(Продолженіе слѣдуетъ).